

ЛЮБИТЬ

Год 1968-й — год наивысшего взлета, подлинного триумфа кинематографа "оттепели". И он же год поистине роковой — год трагического крушения этого кинематографа, год самой кровавой расправы над ним.

Зарублены один за другим — "Андрей Рублев", "Комиссар", "Скверный анекдот", "Асино счастье", "Начало неведомого века", "Первороссияне", "Интервенция"... В Главной сценарной редакционной коллегии — этой главпыточной Кинокомитета — пущены под нож десятки самых перспективных сценариев...

В том же, 68-м вздернута на дыбу и картина Михаила Калика "Любить".

А начиналось все вполне мирно, почти безоблачно. В январе 67-го студия "Молдова-филм" представила на утверждение в ГСРК сценарий будущего фильма, который назывался тогда "Десять раз о любви". От пламенных строк заключения, выданного на этот сценарий редакционной коллегией республиканского кинокомитета МССР, пожалуй, дрогнуло и потеплело бы ледяное сердце даже самого сурового и непреклонного блюстителя соцреализма:

"Сценарий М.Калика "Десять раз о любви", написанный по мотивам рассказов И.Друцэ, А.Зака, Ю.Казакова, В.Кузнецова и других, привлекает внимание единой авторской интонацией, страстностью постановки актуального вопроса — силы любви, нравственной эстафеты поколений, которая преображает человека, делает его чище, красивей, поднимает его над прозой будничности. Это лирико-философская комедия посвящена людям, ищущим Красоту, рождающим эту Красоту.

Слова В.И.Ленина о том, что "коммунизм должен нести с собой не только аскетизм, а жизнерадостность и бодрость, вызванную также и полнотой любовной жизни", могут быть эпиграфом к будущей картине и в этом — нравственный и общественный пафос фильма, в этом философское звучание темы, которая волнует нас, современников /.../.

Свежесть замысла заключается также в драматургически оригинальном решении сценария — преломление и слияние художественного замысла с документальным рядом. Документальная канва цементирует, выпуклее обнажает остроту поставленной проблемы, что весьма важно в идейно-художественном строе фильма.

Главный редактор Б.Мовила"
(ЦГАЛИ СССР, ф.2944, оп. 4, ед.хр. 1254, л.2)*
Ну, а что скажет родная Москва?

Здесь М.Калик наверняка в "черном списке" тех кинотворцов, за которыми нужен глаз да глаз. За ним числится подозрительная "Колыбельная" с рецидивами "абстрактного гуманизма", оплеванный и разруганный за "формалистические выкрутасы" "Человек идет за солнцем". А самый главный грех - чистая, тонкая, нежнейшая картина "До свиданья, мальчики!", которую на всех заседаниях Комитета квалифицируют чуть ли не как "идеологическую диверсию" и "подрыв устоев". Эта особая ненависть к картине подогрета главным идеологом иезуитов брежневской клики — М.А.Сусловым, лично им осуждена и приговорена: "за рубеж не выпускать, в стране не показывать".** Да и вся биография этого режиссера какая-то "нехорошая", настораживающая — был взят славными чекистами за участие в заговоре и подготовке покушения на жизнь "отца народов" прямо со студенческой скамьи, был приговорен к высшей мере, ждал исполнения приговора в камере смертников, но отделался лагерным заключением. Был реабилитирован, снова принят в институт, но наверняка озлоблен против советской власти. Чего от такого ждать? Это он-то собирается распевать на экране нежные гимны чистой советской любви?

Надо было перепровериться. Тем более, что и на сей раз М. Калик затеял нечто подозрительное — задумал сложить фильм из нескольких новелл, но при этом еще и прослоить их такими документально снятыми на улицах кадрами и разговорами. Чего ради? Сценарий, как и положено в таких особых случаях, пустили по рукам штатных и внештатных сотрудников ГСРК.

Н.Суменов, недолго пребывавший в чине старшего редактора, поддержал замысел М.Калика достаточно горячо и безоговорочно:

Маленькое личное переживание: в моей дипломной вгиковской работе целая глава была посвящена анализу композиции фильма "До свиданья, мальчики!". Мой руководитель, ректор института В.Н.Ждан, поставил жесткий ультиматум: или выбрасывай Калика, или не получишь диплом. Перспектива остаться без диплома, конечно, не особенно вдохновляла — уже была семья, маленький сын. И все же решился "опасную" главу оставить. Получил... пятерку!

* Далее все ссылки по архиву ЦГАЛИ СССР, фонд 2944, опись 4, ед.хр. 1254.

"В последнее время документальное и игровое кино все более тесно сближаются друг с другом. Мастера художественного кино снимают фильмы под "документ" и активно пользуются документами /.../. Я уверен, что интервью с молодыми людьми, съемка диспутов "о любви и дружбе" намного обогатят картину.

Второе. Мы много говорим о любви. Почти в каждом нашем фильме герои влюбляются, переживают, страдают, женятся. И тем не менее я могу с уверенностью сказать, что большого фильма и серьезного разговора о любви у нас в кино давно не было.

И наконец, подбор рассказов, которые взяли за основу сценарист и режиссер. Тысячи произведений посвящены любви. И выбрать из них пять — немалый труд. Как известно, монументальные мозаики, которые производят на зрителя огромное, целостное впечатление, собраны из небольших разноцветных кусочков. Я не хочу сейчас сравнивать этот сценарий с мозаикой, хотя такое сравнение напрашивается само собой. Вот один рассказ — одна мысль, вот второй — другая точка зрения. А если их соединить вместе — получается нечто третье. Мне кажется, что все рассказы, соединенные вместе, рожают и целостную картину, хотя и впечатление от каждого из них самое разнообразное. "В фильме будет и радость, и счастье, и грусть, и слезы". Это очень трудно, но режиссерский талант М.Калика, видимо, сумеет объединить разнообразные настроения в единое целое. Должен получиться фильм светлый, порой чуть-чуть грустный, порой даже веселый, но который обязательно должен взволновать зрителя и затронуть сокровенные струны его души" (л.6).

Сценарий благословил и С.Юткевич: "Мне кажется, что надо дать Калику возможность реализовать этот его сценарий, так как он последовательно продолжает и органично развивает свою индивидуальную творческую позицию, заявленную еще в "Колыбельной" и "Человек идет за солнцем" (л.7).

С оговорками сценарий поддержали сотрудники ГСРК Р.Зусева и А.Балихин. Но не все были настроены столь благодушно. Сигнал тревоги подал М. Блейман. Иронически пересказав все десять новелл сценария (потом в фильме их окажется только четыре), он резюмировал: "Так вот — замысла нет. Истории то анекдотичны, то импрессионистичны, то пошловаты. Непонятно, зачем в таком сценарии хроникальные кадры войны и военного героизма. Неизвестно, зачем в таком сценарии снимать какие-то интервью, и диспуты, и споры. О чем будут спорить персонажи? О том, что любить хорошо, а не любить плохо? О том, что без любви не нужно сожительствовать? О том, что любовь проходит? О чем?"

При чем тут пышное предисловие о том, что в сценарии будет дана эстафета поколений, и о том, что сценарий будет будить лучшие нравственные чувства? И где в сценарии великая сила любви? Ничего этого нет.

И еще — мало того, что идейный уровень ничтожен, художественный уровень большинства новелл не выше. Что в "Десяти раз о любви" будут играть актеры? Между прочим, и актеры не предложены. Ведь герои новелл — мальчики и девочки. Где тут быть актерам? Я написал обо всем этом зло. Но злость от доброжелательности. Если бы это хотел ставить кто-нибудь, какой-нибудь режиссер, возможности которого ничтожны и умение примитивно, я бы ничего не сказал — бог с ним. Ну, пусть будет еще одна плохая картина. Но это хочет ставить М.Калик — человек очень талантливый, заслуживающий высокого замысла, способный его выполнить, осуществить, реализовать /.../. А что сейчас? Опять сентиментальные вещи? Зачем это ему? Не понимаю. Есть у Калика замысел сценария о Корчаке. Он еще не реализован, сценарий еще не написан, только намечен. Но уже из замысла понятны возможности. Знаю, что тут есть трудности. Но зачем же отступать перед ними и ставить "Десять раз о любви"?* Это отступление от замысла. Это не обязательно и не нужно прежде всего самому Калику. Биография этого режиссера складывается нелегко, труднее, чем хотелось бы. В той мере, в какой это от меня зависит, я, санкционируя постановку сценария, определяю творческую судьбу Калика. Постановка каждой картины — это судьба. От этого не уйдешь. И если он сам не способен ответить за свою судьбу и о ней думать, в этом обязанность художественного руководства. Редколлегия Комитета — не только цензура, но и руководство. Это руководство Калику необходимо.

Я против постановки этого сценария, хотя понимаю, что какие-то вещи Калик снимает очаровательно, с юмором и лирикой. Но снимать это, даже очаровательно, ему не нужно" (л.12-14).

Строгий М.Блейман воспротивился сценарию, исходя из высших соображений. Как говорится, по гамбургскому счету. У комитетских киногероев душа болела совсем за другое. Замначальника Сценарий "Король Матиуш Первый" был зарублен ГСРК с иезуитской формулировкой: зачем нам делать фильм о каком-то поляке, если даже сами поляки не собираются делать о нем фильм?

Главного управления И.Кокорева, подмахнувшая официальное заключение ГСРК, строго отписала на студию: "При воплощении своего замысла М.Калику необходимо стремиться к простоте и ясности. Отдельные новеллы в сценарии требуют уточнения. Так, например, в новелле "Магнитофон" не следует увлекаться показом молодых разочарованных людей.

В новелле Ю.Казакова "Ситуация", когда двое влюбленных не могут найти пристанище, не должна носить самодовлеющий характер. Это должен быть прежде всего рассказ о том, как люди не сумели сберечь светлое чувство, как они спасовали перед первыми трудностями.

В новелле И.Друцэ следует еще больше показать стихию народной жизни. Хотелось, чтобы режиссер подчеркнул нравственную чистоту крестьянской девушки Нуцэ.

Необходимо уточнить финал. Образ ожившего человеческого , сердца прямолинеен и излишне многозначителен /.../. (л. 17).

Тем не менее фильм, хоть и со скрипом, все же запустили. Режиссер с головой ушел в работу, снимая азартно, отчаянно, смело. В феврале 68-го картина была завершена и представлена Комитету. В сопроводительном послании студия при всех оговорках недвусмысленно преподносила картину как свое творческое достижение. Но ценители прекрасного из Малого Гнездиновского оценили работу Калика иначе:

"Председателю Госкомитета
Совета Министров Молдавской ССР
' по кинематографии
тов.Дороганичу А.Д.
Директору киностудии "Молдова-филм"
тов.Мурсе Л.Г.

Главное управление художественной кинематографии просмотрело и обсудило фильм "Любить"/.../.

Авторы картины поставили перед собой сложную и интересную задачу — создать художественно-документальное произведение, посвященное исследованию морально-этических проблем.

Однако, решая фильм в полемическом плане, авторы, на наш взгляд, сместили акценты. Отчетливо заметно это в отборе хроникально-документального материала. В результате картина, которая должна была быть направлена в защиту светлых человеческих чувств, оказалась путаной по своей концепции.

Интервьюируя большое количество людей, авторы как бы пытаются создать социологическое киноисследование. Однако серьезно-

го и глубокого анализа актуальной проблемы, на наш взгляд, пока не получилось. Это произошло потому, что круг опрашиваемых лиц был искусственно ограничен. Интервью в картине оказались подобранными однобоко. Режиссер увлекся показом молодежи, бравирующей своим нигилистическим отношением к вопросам нравственности. В то же время в фильме явно не хватает показа людей, мыслящих идейно и выражающих высокие нравственные принципы, присущие советскому народу.

К сожалению, авторы не воплотили на экране часть того, что было задумано ими в литературном сценарии (в частности, съемка молодежных диспутов, интервью с интересными людьми).

Вместе с тем наиболее интересной и интеллектуальной фигурой стал в результате священник. Он становится единственным лицом, выражающим стройную нравственную концепцию.

Учитывая эти недостатки, совершенно необходимо освободить документальный материал от всех этих излишков и придать репортажу фильма характер содержательного диспута, где была бы очевидна авторская позиция, утверждающая высокие нравственные принципы.

Перед режиссером М.Каликом стояли задача объединить в единое целое не только документальный и художественный материал. Трудность заключалась и в том, что ему предстояло экранизировать четыре новеллы, написанные разными писателями. Нам думается, что художественный уровень этих новелл различен.

Наиболее удачными в картине можно назвать новеллу И.Друцэ и рассказ о Юльке, Сергее и кондукторше Анне. Хотя, на наш взгляд, танец Сергеев "овеществленной" выюгой выбивается из стилистики этой новеллы.

Новелла же по рассказу Ю.Казакова изменилась по смыслу. Вместо того, чтобы раскрыть характер молодых людей, выявить их истинные отношения друг к другу, автор сосредоточивает внимание на безуспешных попытках молодых людей найти уединение. Поскольку характеры героев остались за кадром, их история приобретает обывательский характер. Нам представляется целесообразным сократить эту новеллу таким образом, чтобы больше раскрыть человеческие чувства; необходимо также исключить пошлые реплики шофера.

В документальной части необходимо исключить кадры, изображающие священника. На наш взгляд, следует также заменить эпиграфы к новеллам" (д.41-42).

Этими претензиями перечень обязательных поправок, предъявленных главным редактором ГСРК И.Кокоревой, далеко не исчер-

пывался. Но, как можно заметить, главный удар пришелся на документальный ряд картины. Авторы фильма ввели в ткань игровой картины огромное количество документальных интервью, взятых у самых разных людей. В той или иной форме им задавался один и тот же вопрос: "Что вы думаете о любви?", "Существует ли любовь?" и т.д. Эта социолого-психологическая киноанкета (руководитель документальных съемок — И.Туманян) выявляла картину достаточно безотрадную. Реальные люди, выхваченные из обычной уличной толпы, из пестрой молодежной массовки, собиравшейся на заурядной танцплощадке, из числа просто гуляющих или ожидающих свидания, отвечая на вопросы авторов фильма, либо пережевывали на экране убогие слова расхожих казенных формул, либо откровенничали следующим образом: "Любовь бывает только у животных", "Любви на свете нет, а есть привычка к человеку", "Сейчас, знаете, сейчас здоровье прежде всего, дороже любой любви. Хе-хе-хе"...; "Мне, понимаете, жениться не обязательно. Зачем мне жениться, когда много хороших девушек повсюду. Ха-ха-ха, когда есть танцплощадка, где каждый день 3-4 знакомства новых... Зачем жениться?"...; "Жизнь дается один раз и прожить ее надо так, чтобы, оглянувшись назад, можно было увидеть кучу бутылок и массу красивых женщин".

Из пестрой панорамы ответов становилось очевидно, что в стране развитого социализма, кичащейся своими грандиозными успехами во всех сферах, в том числе и в "строительстве нового человека", неладно обстоит дело не только в экономике, промышленности, сельском хозяйстве и т.д. — неладно и с самим человеком. Документальные кадры неумолимо свидетельствовали: идет процесс деградации, разрушения морали, распада вековой системы высших нравственных ценностей. На общество надвигается нарастающий оползень цинизма, безверия, бездуховности. М.Калик чутко зафиксировал эту опасную тенденцию развития общества, но вместо того, чтобы быть услышанным, был гневно обвинен в тенденциозном подборе документального материала.

Может показаться, что степень яростной реакции стражей мифологии "развитого социализма" на фильм М.Калика не совсем соответствует тому заряду социальной критики, который непосредственно был заключен в самих документальных кадрах. Ну, подумаешь, на экране промелькнуло несколько молодых циников, туповатых, придавленных людей. Подумаешь, сокрушение основ. Но дело в том, что сила этих кадров многократно усиливалась, обострялась в контексте картины, в общей сложно и расчетливо выстроенной монтажной композиции фильма.

"Картина выстраивалась многослойно, — рассказывал позже автору М.Калик, — собственно, и сам документальный ряд не был однородным. Помимо интервью, снятых и прямой и скрытой камерой, фильм пунктирно пронизывали немые кадры — одинокие пары, ждущие женщины... Это были своего рода киностихотворения, музыкально-пластические этюды. Это были тоже документальные съемки, но уже совсем иного рода. Более возвышенные, более эмоциональные.

И был еще третий ряд - титры с текстами, строки из Книги "Песни песней". В сценарии я только обозначил, что будут титры, но содержание их обозначил достаточно нейтрально — некие стихи о любви, то, другое. Но при монтаже картины ввел строки из Книги "Песни песней". Они шли через весь фильм, пронизывая все новеллы, скрепляя их и давая всему повествованию камертон. Конечно, когда Романов и его помощники это увидели, они были в обмороке. Как это можно докатиться до такой наглости, чтобы в советском фильме пропагандировалась Библия! Целая буря разразилась по сему поводу. Тем более, что рядом еще один криминал — в фильме "с проповедями" выступает священник. Да еще настоящий. Да еще и умный. И прекрасно владеющий словом. Это был ныне хорошо известный религиозный философ и деятель — отец Мень. Инна Туманян, моя ближайшая помощница по документальным съемкам, нашла его в маленьком приходе под Москвой. Тогда он был молодой, красивый и такой же мудрый. И, конечно, он не то что на голову, но просто несравнимо выше был всех тех, кто в нашем фильме пытался говорить о любви, о браке, о таинстве... Конечно, если бы те же мудрые и прекрасные слова произносил какой-нибудь знатный сталевар или председатель какого-нибудь горисполкома, или секретарь комсомольской организации, наверное, Романов с Баскаковым были бы счастливы. Но ведь говорит-то священник! Как можно??? Тем более, что рядом с ним представители славной советской молодежи выглядят такими жалкими и убогими. Вырезать под корень!"

Дальнейший ход драматической истории виден из следующих документов:

"Председателю Комитета по кинематографии
при Совете Министров СССР
тов.Романову А.В.
от кинорежиссера Калика М.Н.

20 февраля этого года на киностудии "Молдова-филм" (г.Кишинев) была закончена производством кинокартина "Любить..." ("Десять раз о любви"). Я являюсь автором сценария и режиссером-постановщиком этого фильма.

Фильм был сдан художественному совету студии, а затем был принят Комитетом по кинематографии при Совете Министров Молдавской ССР и представлен Комитету по кинематографии при Совете Министров СССР.

Однако Союзным Комитетом фильм не был принят, были высказаны некоторые замечания и пожелания, оформленные в официальном заключении комитета.

При окончательном монтаже картины я учел эти замечания и почти все их выполнил.

Республиканский Комитет, однако, счел сделанные мной поправки недостаточными и вторично не представил фильм в Союзный Комитет.

Повременив немного, киностудия "Молдова-фильм" по распоряжению Комитета, воспользовавшись тем обстоятельством, что я был болен, сделала помимо моей воли вырезки целого ряда эпизодов фильма, исказив его художественную и идейную суть.

Произошло грубое надругательство над авторским правом и ПРАВОМ вообще. Насколько мне известно, в истории советского кинематографа такого еще не было.

Как автор сценария и режиссер-постановщик фильма, как художник, как человек, отдавший работе над фильмом полтора года жизни, — я решительно протестую против административного произвола.

Прошу Вашего срочного вмешательства.

24.4.68". (л.45)

Зов о срочном вмешательстве был услышан, но по-своему: министр не ответил режиссеру, а запросил у своих подшефных отчет о том, "все ли предложенные изменения были в фильм внесены". Порезанную картину вновь повезли в Москву. В сопроводительном рапорте деловито были перечислены все произведенные самой студией изъятия.

"Заключение сценарно-редакционной коллегии Госкомитета Совета Министров Молдавской ССР по кинематографии по исправленному варианту кинофильма "Любить"

Просмотрев исправленный вариант кинофильма "Любить", сценарно-редакционная коллегия отмечает, что в соответствии с требованиями, содержащимися в заключении Главного управления ху-

дожественной кинематографии, Комитета по кинематографии при Совете Министров СССР N 19/404 от 19/III-1968 г. в фильме произведены поправки и сокращения:

1. В заглавных титрах - "Несколько обычных любовных историй" — изъято слово "любовных", придающее подзаголовку несколько фривольный характер.

2. Из эпизода хроники "Танцплощадка" (4-я часть):

а) устранен план молодого циника, говорящего: "Жизнь дается только один раз и прожить ее надо так, чтобы оглянувшись назад, можно было бы увидеть кучу бутылок и массу красивых женщин";

б) изъята закадровая реплика: "Любовь бывает только у животных";

в) устранены планы юноши в расстегнутой рубашке и его реплика: "А я жениться не собираюсь. (Ему уже двадцать один год)..."

Мне, понимаете, жениться не обязательно — зачем мне жениться, когда много хороших девушек повсюду. Х-хе-хе!... Когда есть танцплощадка, где каждый день три-четыре знакомства новых... Зачем мне жениться?"

3. В шестой части изъяты полностью оба интервью со священником. Сокращена беседа социологов, а именно начало речи Богата ("А понимаете ли, эмансипация страшна тем, что это социальная, так сказать, мини-юбка" и т.д.). Устранен весь монолог Тимофеева, кроме необходимой для перебивки реплики: "Как писал Экзюпери, не прошло и трехсот лет, как писалась "Принцесса Клевская" и уходили навсегда в монастырь от великой любви". Сокращен до минимума финальный монолог Богата (оставлены две реплики о роли личности).

4. После новеллы И.Друцэ в девятой части устранено целиком третье интервью священника, весь монолог геолога в очках, появление молодой женщины, говорящей: "Я думаю, что это хорошо — любовь, ха-ха! Я всегда готова любить, но только у меня много работы, это единственное, что меня удерживает от любви, и потому, что у меня еще есть муж, вот... А я бы еще любила. Ха-ха!"

5. В художественной новелле "Вьюга" сокращен эпизод с ведьмочкой и полностью убраны ее реплики.

6. В художественной новелле "Осень" перетонирована реплика героя: "Поедем за город, у нас так делают", изъяты пошловатые реплики шофера, полностью устранен эпизод возвращения героев из леса в такси и реплики: "Чего так рано? Характером, что ли, не сошлись?"... "Давай, крути!" Целиком изъят второй эпизод — "Он и она в постели". Перетонирован в сторону смягчения ряд реплик героя (актер Л.Круглый).

Кроме всего перечисленного, произведен ряд мелких поправок технического и смыслового характера.

Сценарно-редакционная коллегия считает, что произведенные поправки и сокращения изменили расстановку акцентов в исследовании морально-этических проблем современности в сторону предъявленных к фильму требований.

Устранены из картины отдельные реплики, излишне загромождающие текст в хроникально-документальном ряде, смягчены интонации в художественной новелле "Осень".

На основании вышеизложенного сценарно-редакционная коллегия считает целесообразным представить новый вариант фильма "Любить" для принятия на союзный экран" (л.46-47).

Увы, и эти обильные кровопускания, проведенные без участия самого автора, не удовлетворили московское начальство. Картина вновь была категорически отвергнута:

"/.../ частичные сокращения, которые были произведены по фильму, не устранили серьезных идейных недостатков картины /.../. По-прежнему мы вынуждены констатировать, что авторская концепция фильма "Любить" остается неверной, главным образом в силу неверного отбора хроникального материала. Картина в целом не изменилась по существу. Поэтому наше заключение по предыдущему варианту остается в силе.

Главное управление художественной кинематографии не может принять фильм "Любить" к, выпуску на экран.

Главный редактор

Сценарно-редакционной коллегии И.Кокорева"

На "Молдова-филм" снова закипела работа. Теперь кромсали картину совсем варварски — Калик по-прежнему был отстранен. В июне 68-го окончательно изуродованный фильм опять повезли в Москву на "дегустацию". Орудийный рапорт впечатлял:

"Перечень

основных поправок в фильме "Любить..." производства киностудии "Молдова-филм"

Полнометражный художественный фильм "Любить..." /.../ претерпел ряд коренных монтажных изменений, что дает основание говорить о принципиально новом варианте фильма.

Наиболее существенные поправки были внесены в документальную канву картины.

Из фильма полностью исключены:

- "анкета на танцплощадке" с нигилистическими и циничными высказываниями о любви целого ряда молодых людей;
 - эпизод в квартире социологов с их псевдотеоретическими размышлениями по поводу якобы социальных причин мнимого падения нравов;
 - все три эпизода интервью со священником;
 - выпала сцена развода;
 - сокращены или полностью исключены отдельные легкомысленные высказывания интервьюируемых, и особенно те места, где походя пытались обосновать свои пессимистические выводы в отношении нынешнего состояния нравственности нашей молодежи;
 - удалены из фильма кадры с женщинами сомнительного поведения;
 - выпали надписи с текстами из "Песни песней" и другие.
- Всего из фильма "Любить..." исключено более 400 метров прежней хроники и смонтировано около 160 метров новых кадров, подчеркивающих серьезное и здоровое отношение нашей молодежи к любви, к вопросам нравственности и морали.

Ряд поправок внесен также в первую, вторую и третью игровые новеллы.

Из новеллы "Осень", например, выпали кадры с обнаженными в постели, весь диалог с шофером такси у остановки за городом, реплики милиционера, заново перемонтировано несколько раздражавших ранее реплик, что в целом продало новелле более целомудренное и глубокое звучание, отношения героев друг к другу освобождены от налета пошлости и вульгарной обыденности.

В результате фильм "Любить..." приобрел вполне определенную позитивную концепцию. Авторская обеспокоенность за современные нравы у части молодежи не педалируется. Общая направленность фильма — за чистоту и красоту человеческих взаимоотношений, против нигилизма, цинизма и обыденности в любви.

Главный редактор

киностудии "Молдова-фильм" П. Молодяну"

' Теперь фильм был изуродован уже до такой степени, что высшее киноначальство могло быть вполне довольным. Ведь из картины не только многое вырезали, но и кое-что вставили. М.Калик рассказывает: "Роясь в отснятых нами материалах, "спасатели" вместо "царапающих", "неприятных" документальных кадров нашли варианты более нейтральные, успокоительные. То были не всегда искренние, но вполне дежурные ответы наших интервьюируемых в таком здо-

ровом комсомольском духе. Ими-то и попытались теперь "подпереть" картину. Причем не погнушались использовать то, что мною было в попросту выброшено в корзину как абсолютно неудачное и неприемлемое..."

В Москве поморщились, но дали понять, что картину сейчас принять можно. Но то, что соответствовало вкусам титулованных ценителей прекрасного в Малом Гнездиновском, не соответствовало представлениям самого автора. М.Калик категорически потребовал: либо восстановить фильм в соответствии с его авторским замыслом, либо убрать его фамилию из титров. Он обратился за помощью во Всесоюзное Управление по охране авторских прав. Оттуда поступил запрос министру:

"Председателю Комитета по кинематографии при Совете Министров СССР тов.Романову А.В. К сожалению, Всесоюзное Управление по охране авторских прав вынуждено снова просить Вашего личного вмешательства в вопросы, связанные с неимущественными авторскими правами сценаристов и режиссеров-постановщиков.

На киностудии "Молдова-фильм" поставлен художественный Л фильм "Любить..." (автор сценария и режиссер-постановщик М.Калик). Студия и республиканский Кинокомитет приняли картину с монтажными поправками/.../, окончательные поправки были произведены съемочной группой при консультации опытного монтажера.

В результате всех этих перипетий получилась картина, не соответствующая полностью творческому замыслу М.Калика, и последний обратился на студию с просьбой об изъятии из титров его имени. Эта просьба основана на ст. 98 Основ гражданского законодательства Союза ССР и союзных республик, на ст. ст.518 и 510 Гражданского Кодекса Молдавской ССР (соответственно ст.ст. 486 и 479 Гражданского Кодекса РСФСР).

Тем не менее, хотя прошло очень много времени и М.Калик дал согласие на оплату стоимости изменений в титрах из причитающегося ему вознаграждения, Студия до сих пор ничего не сделала. Не ? помогло и наше обращение на Студию.

По наведенным нами справкам, массовая печать фильма еще не начата, и, следовательно, есть возможность внести исправления в студийные копии и в исходные материалы.

Просим Вас, уважаемый Алексей Владимирович, дать надлежащие указания и не отказать в любезности информировать нас о принятом решении. С уважением

Замначальника Управления Рудаков Ю.С.

Начальник Юридического отдела Келлерман М.А."

(л.63-64)

Ситуация складывалась неординарная. До сих пор спокойно резали, крушили, ломали фильмы, и все сходило с рук. А тут вдруг в кои-то веки напомнило о себе призрачное агентство по охране авторских прав. Как бы и в самом деле чего не вышло. Министр озаботил своих подчиненных и получил такой ответ:

"Получив 19.IX.68 г. Ваше задание по письму Всесоюзного управления по охране авторских прав, я переговорила с тт.Наусед и Курдиным, а также с Госкомитетом по кинематографии Молдавии (тт. Дороганич и Гибу). Выяснено следующее. /

М.Калик обращался к руководству киностудии "Молдова-фильм" в апреле с.г. с просьбой убрать его авторское и режиссерское имя из титров фильма "Любить...". От киностудии он ответа не получил. . Лу

Тиражирование картины еще не начато и даже не запланировано на I квартал 1969 года. Так что снятие имени из титров технически было бы еще возможно.

Юридически все права на удовлетворение просьбы М.Калика — на его стороне. Автор фильма имеет право выступить под псевдонимом, под своим именем или остаться инкогнито. Снятие имени из титров не нарушает факта авторства.

На мой взгляд, просьбу М.Калика нет оснований не удовлетворять. Но дело это — исключительно внутростудийное (студия — автор). Поэтому лучше всего направить копию письма Всесоюзного управления по охране авторских прав тов. Дороганичу А.Д. и попросить его дать указание студии о решении этого вопроса.

19.IX.68 г. М.Соколовская"

(л.68)

На запрос из Москвы председатель молдавского кинокомитета А.Дороганич ответил классической формулой: "Вопрос находится в стадии решения", а позднее подоспело более развернутое объяснение тогдашнего директора студии "Молдова-фильм":

"/-./ Режиссер М.Калик внес некоторые поправки в фильм, не изменившие, однако, тенденциозного звучания картины в целом.

В течение апреля-мая месяцев студия неоднократно в устной и письменной форме предлагала М.Калику продолжить работу над фильмом, но т.Калик от завершения работы категорически отказался.

Учитывая, что все сроки производства фильма "Любить..." были просрочены, сметные ассигнования на фильм исчерпаны (что поставило студию в крайне тяжелое финансовое положение), и считая недопустимым консервацию крупной суммы государственных средств, а также то обстоятельство, что при съемке хроники авторы существенно отклонились от оговоренной в сценарии направленности документального ряда и на основании статей 486 и 483 ГК РСФСР, сохраняющих окончательное авторское право на кинопроизведение за киностудией, приказом по студии "Молдова-фильм" от 20 мая с.г. режиссер М.Калик от работы на студии был освобожден и монтажные поправки в фильме были произведены съемочной группой картины с привлечением опытного монтажера.

Указанные действия студии по завершении фильма были согласованы Госкомитетом Совета Министров Молдавской ССР по кинематографии и идеологическим отделом ЦК КП Молдавии" (л.60-61).

Почувствовав твердую почву социалистической законности под ногами и убедившись, что тылы надежны, Кинокомитет абсолютно проигнорировал обращение ВОАППа. Режиссеру оставалось теперь только одно — воззвать о помощи к богам из ЦК КПСС. В архивном деле фильма сохранились косвенные следы этого обращения:

"Тт. Егорову Ю.П., Кокоревой И.А,
Котову Е.С.

Тов.Дубровин А.Г. передал нам свою просьбу, касающуюся вопроса о жалобе М.Калика.

М.Калик предлагает два выхода из создавшегося положения:

- 1) снять его имя с титров принятого Комитетом фильма "Любить",
- 2) просмотреть (на уровне руководства Комитета и Главка) его версию картины, высказать ему претензии и договориться о приемлемой основе фильма, так, чтобы Калик мог сохранить свое имя в титрах картины.

Тов.Дубровин просит попытаться принять второй путь, т.е. просмотреть картину М.Калика (копия — у него самого и он готов доставить ее в Комитет), предложить ему замечания и решить, возможно ли найти общий с ним язык.

Прошу Вас сообщить об этом деле руководству Комитета и решить вопрос о времени просмотра фильма (если Вы сочтете необходимым этот просмотр проводить).

Член сценарно-редакционной коллегии Т.Соколовская
27.XI.68". (л.68)

ГСРК обратилась за разъяснениями к заместителю Председателя Комитета Баскакову В.Е.: как надобно поступить? Резолюция на служебной записке была краткой: "По договоренности с т.Ермашом Ф.Т.* дальнейших акций по фильму не проводить".

Многозначительная по виду фраза означала, по сути дела, одно: в конфликт с Каликом вступила студия, пусть она его и добивает. Зачем мारаться, если слишком возомнившего о себе художника проще придушить чужими руками? К тому же и силы побережь для грядущих схваток тоже имело смысл. Много славных дел было уже сделано. Но и впереди у высшего состава Кинокомитета забот о неуклонном подъеме советского кино под священными лозунгами соцреализма тоже было невпроворот...

Шли последние дни декабря 68-го. Этим по накалу невероятным, страшным годом окончательно завершилась прекрасная, странная, противоречивая и трагическая эпоха шестидесятых. Массированное и беспощадное преследование подписантов, судебный процесс над Галансковым, Гинзбургом и другими участниками правозащитных движений, выход первого номера самиздатовской "Хроники текущих событий", публикация в том же самиздате "Размышлений о прогрессе, сосуществовании и интеллектуальной свободе" академика А.Д.Сахарова и, наконец, грохот советских танков на пражских улицах в зловещем августе — все это означало конец одной эпохи и наступление другой...

Эпилог, или "уж лучше было бы сразу попасть на полку..."

Красочная резолюция: "Никаких дальнейших акций по фильму не проводить" — последний документ в архивном деле картины. Но дальнейшая история на этом не обрывается. Вот как излагает печальный финал сам М.Калик: "Уткнувшись в стену, я решил подать в суд. Дело тянулось невероятно медленно, передавалось из инстанции в те годы — зав.сектором кино в отделе культуры ЦК КПСС.

в инстанцию, и суд по-настоящему так и не состоялся. Тянулась эта комедия полтора года. За это время я успел снять еще одну картину — экранизировал "Цену" А.Миллера на телевидении. Она тоже загремела. Тут-то я и решил подать документы на выезд в Израиль. Это был 1970 год.

Я махнул на все рукой и за судьбой картины "Любить..." уже не следил. Я только узнал, что ее, к сожалению, не положили сразу на полку, а сделали несколько копий, 8 или 12, точно не знаю, чтобы только поставить "галочку". Когда я сидел в сталинских лагерях, тамошнее начальство, бывало, проделывало такой фокус: когда "план по смертности" перевыполнялся, то, чтобы "улучшить" статистику самых больных и практически обреченных на скорую смерть людей выпускали, и они умирали уже не в лагере, а на свободе. Примерно то же самое произошло и с моей картиной. Поскольку план по "полке" в 68-м году был перевыполнен не на сто, а на всю тысячу процентов, решили вот так же смертельно изуродованную картину выпустить на волю и там добить ее смехотворным тиражом...

Уж лучше бы ей сразу лечь на "полку", куда она, в конце концов, после моего отъезда из СССР и попала. Тогда она, может быть, была бы хоть спасена. Ведь в Столбы на "полку" попала изуродованная версия, имеющая мало общего с тем, что я сделал. Правда, существовало две копии моей авторской версии. Одну долго прятал и хранил на студии один энтузиаст. Но пришел новый директор, стал наводить свой порядок и сжег ее...

Оставалась еще одна — последняя — авторская копия. Она хранилась у меня дома. Периодически я показывал ее на своих авторских вечерах в клубах, дворцах культуры, куда меня до поры до времени еще приглашали. По сему поводу на меня однажды и было заведено уголовное дело. Я был обвинен в "частном предпринимательстве", в нарушении якобы каких-то законов. Показывая свои фильмы и выступая на своих авторских вечерах за самые скромные гонорары, я делал то же самое, что и многие другие наши режиссеры. Ни на кого уголовных дел за такую деятельность не заводили. Почему ж на меня завели? Намек был более чем прозрачен: уголовное дело на меня завели буквально тотчас же, как только я подал документы на выезд в Израиль. И месяца не прошло. Кому-то, видно, захотелось на моем примере преподнести наглядный урок, чтобы неповадно было тем, кто вдруг надумает последовать за мной следом. Ведь я подал документы на выезд, пожалуй, первым.

Воспользовавшись заведенным уголовным делом, однажды нагрянули ко мне домой с обыском. Перевернули весь дом. Искали явно

какой-либо "компромат", самиздатовские материалы, чтобы подвести под какую-либо статью. Ничего не нашли. Я, словно предчувствуя этот визит, заранее отдал опальные самиздатовские труды, которые я, как и многие тогда, естественно, читал.

Были у них и другие цели: забрали все наши сберкнижки, деньги, которые у меня тогда были, все ценности, описали квартиру.

Арестовали и личные копии моих картин. В том числе и фильма "Любить...". Все это было сделано демонстративно, намеренно, чтобы прижать меня к стенке, запугать других. Но что касается меня, то я ведь уже был пуганым — прошел такую лагерную школу, что для меня все это действо выглядело уже невинной шуткой...

Прошло три месяца, и дело закрыли. Меня официально о том уведомили. Но арестованные авторские копии моих фильмов все равно не вернули. По закону, дескать, об авторском праве они являются собственностью студии, должны принадлежать государству. Я уж был тогда в таком состоянии, что не стал воевать. Плюнул просто. Это было последней каплей.

Нужно сказать, что обыск под видом ОБХСС проводили работники КГБ. Они этого и не скрывали. И когда забрали копии, я надеялся, что поставят на коробках с пленкой две знаменитые лагерные буквы "ХВ", но не "Христос воскрес", а "хранить вечно". И надеялся в душе, что где-нибудь в своих подвалах будут "хранить вечно" эту последнюю, единственно уцелевшую к тому времени авторскую копию.

Когда в 1989 году я по приглашению Союза кинематографистов СССР приезжал в Советский Союз для восстановления картины, мне сказали, что будто какая-то копия фильма "Любить..." хранится в Белых Столбах. Затеплилась надежда: может быть, это как раз та, что у меня в 1970-м забрали сотрудники КГБ? Может быть, они ее передали после моего отъезда в Госфильмофонд. Увы, оказалось, что это вариант уже изуродованной студией картины...

Правда, остались ошметки документального материала, не вошедшего тогда в картину. Там в основном сохранились кадры со священником Менем. Инна Туманян берегла у себя дома в надежде когда-нибудь использовать их. Но дома развеохранишь? Даже и эти немногочисленные материалы попортились. На студии нашелся какой-то кудесник-писатель — он эти стародавние, иссохшие материалы взялся спасти. Вымачивал, отпаривал, колдовал и привел в норму.

Пытаясь реконструировать картину, мы ввели эти спасенные кадры вновь. Восстановили все титры из Книги "Песни песней", вы

брошенные когда-то по настоянию А.Романова. Ну, и конечно, выкинули всю "грязь", которую когда-то в фильм напихали против моей воли Вот и все, что удалось сделать.

Что будет дальше с картиной? Не ведаю пока. Может быть, когда-нибудь все же дождусь ее настоящей премьеры...